

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

ГОНЕЦ ДОСТИГАЮЩИЙ

Н.К. Рерих. Гонец Достигающий. 1924.

Вот человек, дни и годы жизни которого мне представляются как отборный жемчуг. Потому и хочется говорить о нём не просто как о художнике, не просто как о счастливейшем из наших русских современников, но как о мудреце, жизнь, труд и достижения которого волнуют и зовут к подвигу во имя той же красоты, которой он подвижнически служит.

Кто-то мне ещё недавно сказал:

— Но ведь Рерих мистик?..

Какое пыльное, паучье слово... Никогда я не чувствовал такой невыразительности, такой омертвлённости слова, как это шелестящее «мистик». И жаль людей, чьи мысли и слова так мертвят значение сказанного. И тем более хочется сказать о встречах с Рерихом и о его деяниях.

О прошлом творчестве Рериха писалось много, и мне не нужно повторять чужих восторгов. От своих же воздержусь, чтобы не сделать дешёвым драгоценное. Тем более, что лучше, чем сказал о нём Л. Андреев, едва ли можно сказать. Андреев говорит: «Гениальная фантазия Рериха достигает тех пределов, за которыми она становится уже ясновидением. В его творениях колыбель мудрости и священных слов о Боге и Человеке». И в заключение Л. Андреев творчество Рериха называет его державой.

Действительно, при всей улыбчивой мягкости, при всей лучистой чистоте деяния и характера этот человек полон несокрушимой, именно державной властности. Но его властность обаятельна. Он не только никогда и никому не скажет резкого слова, но и вообще никому и никогда не навязывает своих мыслей, но мыслям его хочется следовать. Скажу более: около него радостно работать, ему следует повиноваться, за ним радостно пойти, как за подлинным пророком нашего времени.

- Как-то недавно в дружеском кругу Н. К. рассказывал о своём учителе Куинджи. Куинджи работал по шестнадцать часов в сутки непрерывно и всем тем ученикам, которые говорили ему о неудаче, повторял: «Неудачу делаете сами. Неудача не может быть!». И мы знаем, как пастушонок Куинджи стал великим мастером.

В вышедшей в Америке книге Нины Селивановой о Рерихе мы читаем о трудах и жизни самого Рериха и, глядя теперь на его полную юношеских соков трудовую жизнь, должны сказать, что у этого ученика Куинджи действительно неудач не может быть.

Немудрено, что после ухода из России без гроша, когда из Лондона в Америку удалось приехать лишь на случайно полученные за одну из лучших картин деньги, Рерих с головокружительной быстротой покори́л Америку.

После двадцати восьми выставок по Америке он не почил на лаврах и вместе с американцами-друзьями утвердил два очень значительных культурных дела: Институт Соединенных Искусств и центр интернационального искусства «Корона Мунди», которые вскоре после скромного помещения из четырёх комнат получили целых три прекрасных дома в лучшей части города на берегу Гудзона. И как только эти дела окрепли, и возможности их начали расти, как многие были поражены известием о многолетнем путешествии Рериха на Восток, что не обошлось без пересудов и всяких фантастических версий со стороны, главным образом, соотечественников. Многие даже усомнились в дальнейшем положении дел Рериха в Америке. Но, забегая вперёд, можно сказать, что эти начинания очевидны во времени, ибо они всё продолжают развиваться и расти, и к ним присоединяются новые дела. Так уже в отсутствие Н. К. Рериха 24 марта 1924 года был открыт музей его имени, в который вошло 315 картин и под который отведено два этажа в одном из домов. А 7 мая было образовано книгоиздательство «Алатас», начатое в начале года с друзьями из Сибири в Париже (слово «алатас» — сибирское и значит «белый камень»). А сейчас, как слышно, учреждаются ещё некоторые новые дела, ещё более расширяя и закрепляя круг прежних предприятий. Неожиданный кратковременный приезд Рериха из Индии сопряжён именно с этими новыми большими делами, о которых подробно говорить пока не время. «Всё во времени», — как сказал мне Н. К.

И вот мы сидим сейчас в помещении «Алатаса», куда Н. К. пришёл, чтобы быстро и легко разрешить трудовые вопросы в плане будущих изданий. По стенам висят оригиналы голландской школы XVI и XVII века, и тут же равноправным членом вошла русская северная деревянная церквушка Верещагина. «Эти гонцы русского искусства широко разлетелись по всему миру», — говорит Н. К. между прочим, показывая на картину и обозревая светлую большую комнату с чудесным видом на Гудзон.

Воспользовавшись перерывом, я попросил Н. К. поделиться со мной его впечатлениями от поездки в Индию специально для читателей «Сегодня». И вот записываю подлинные выражения Рериха: «В самых неожиданных гаванях, — продолжал Н. К., — в самых нежданных шатрах вас догоняет неожиданный и трогающий оклик: «Русский карош! Карош русский!» Лишь бы только найти общий язык, ибо меч завоевателя пора уже сдать в архив-музей. И там, где показывается хотя бы кончик этого меча, там все душевные нити сами собой обрываются, и перед вами опять непроницаемая жёлтая маска. Уезжал я оптимистом. Вы знаете, что этот оптимизм будущего ничто изменить во мне не может. Возвращаюсь ещё более оптимистом, ибо строительные материалы для строения Блага неисчислимы. А новые пути поистине прекрасны. И если вы качаетесь на тонких бамбуковых мостах над бездной или держите равновесие на остром леднике, то окружающее вас и зовущее вас настолько реально прекрасно, что всякий мост можно перейти. Когда ночью в палатке

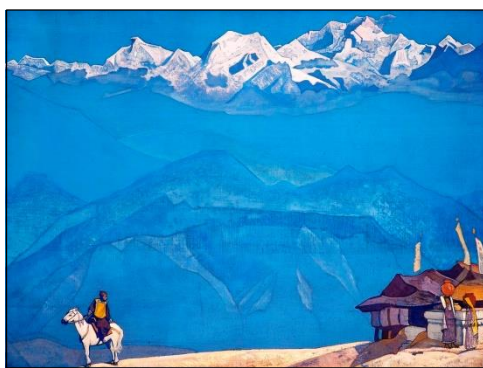
лама ведёт рассказ о всех тех реальностях, которые по существу недоразумению не поняты на так называемом Западе, то вы чувствуете, что прерывать этот рассказ нельзя, ибо он имеет великое начало и построен для великого Грядущего. Когда вы окружены Берендеями и Снегурочкой, ибо я нашёл в жизни все костюмы моих прошлых постановок, то вы чувствуете, что поистине где-то театр сошёл со сцены в жизнь и эта жизнь полна значения. Только сумеете понять язык. Это различие языков внешнего и внутреннего является такой непоправимой гранью. Но если вам посчастливится переступить эту грань, тогда вы не только ещё один раз вспомните о том, что я сейчас говорю».

«И опять еду туда, — заключил Н. К., — ибо с разных сторон нужно подходить к этой необъятной красоте, и, открывая одни врата, вы чувствуете неизбежную необходимость открыть следующие, хотя бы через все ледники. И как всюду, язык красоты и искусства является сейчас единым мостом единения и понимания».

Как бы для иллюстрации своих слов Н. К. повёл меня в третий этаж музея его имени, где он как раз сам руководил размещением новых, только что прибывших с ним из Индии картин.

Этот этаж будет носить имя супруги художника Елены Рерих, оставшейся в Индии, и состоит из четырёх серий: «Его страна», «Зарождение тайн», «Сикимский и Тибетский путь» и «Гималаи».

Не знаю, сумею ли я передать здесь то молитвенное чувство сына горной страны, лишённого своей родины, но обретшего её вот именно в этих непередаваемых красотах, занесённых с Гималаев в Нью-Йорк редчайшим и счастливейшим деятелем искусства... Это подлинная сказка - феерия, горная краса, где живёт сам Бог, вершины, до которых, кроме лучей солнца, никто не достигал, склоны и ущелья и чудесные пути, по которым ходит только чистота и святость. Это нескончаемая симфония красок, от скрипичной еле слышной ноты в облаке до ошеломляющего оркестрового грома неприступных скал. И, как венец всего творения Рериха, во всём слышна песня святости, молитвенного благоговения и радости неизъяснимой... Нет, не возьмусь пока описывать этих картин. Приведу лишь их названия по сериям.

Н.К. Рерих. Помни. 1924.

В серии «Его страна»: «Помни», «Гонец Достигающий» (с таким названием художник готовит книгу и этим же названием я озаглавил мой очерк), «Книга мудрости», «Указующая путь», «Жемчуг исканий», «Ниже недр», «Превыше гор», «Жар-цвет», «Сокровище мира», «Сожжение тьмы», «Звезда Матери

Мира», «Белый и Горный». В серии «Зарождение тайн»: «Матерь Мира», «Знаки Христа», «Зарождение тайн», «Лаотзе», «Падма Сабгава», «Цанк-ка-па».

В сиккимской, тибетской и гималайской сериях картины посвящены впечатлениям от буддийских монастырей, священным субурганам, горам, овеянным легендой, и профилям частей Гималайского хребта.

Н.К. Рерих. Матерь Мира. 1924.

Смотря лишь на одну из этих картин, проникаешься оцепенением молитвы. Не слова и даже не мысли довлеют над зрителем, но им овладевает именно молчание. В особенности это молчание уносит вас с земли куда-то в синюю беспредельность, через полотно, где среди созвездия Ориона и Большой Медведицы несётся пречистая и излучающая тихий свет неопикуемая Матерь Мира.

Кажется, что такая мысль - предел созданий человеческих. Но Рерих полон жажды к новым достижениям, и когда это письмо вы будете читать, он снова будет уже в пути на Гималаи, и мы снова будем ждать его новых открытий. Ибо поистине, как говорит Рабиндранат Тагор о картинах Рериха: «Правда жизни беспредельна».

Георгий Гребенщиков

1924
Нью-Йорк

Н.К. Рерих. Вид из Непала. 1924.

Часть 1.

**«CORONA MUNDI»
(Сикким – Нью-Йорк)**

«С 1924 года по тибетскому летоисчислению началась новая эра. Век считается не в сто лет, а в шестьдесят...»

Н.К. Рерих «Алтай – Гималаи»

Н.К. Рерих. Огни победы.

Под Новый год, четвёртого февраля, после заката вспыхивают огни в монастырях по холмам. И звон гонгов и дальние барабаны звучат... Утром – танцы...

Н.К. Рерих «Струны земли»

***

***«Прекрасно значение Азии – колыбель Мира. Средине Мира света Истины урочно возносится на спасение человечества»
Закончить кольца спирали можно, проходя над старым путём...»***

«Откровение»¹

---

¹Агни – Йога. Откровение. 1920-1941. Москва «Сфера». 2002.. С 240.

ВВЕДЕНИЕ

Бьётся ли сердце Азии? Не заглушено ли оно песками? От Брампутры до Иртыша и от Жёлтой реки до Каспия, от Мукдена до Аравии - всюду грозные беспощадные волны песков.

Как апофеоз безжизненности, застыл жестокий Такламакан, омертвив серединную часть Азии. В сыпучих песках теряется старая императорская китайская дорога. Из барханов торчат остовы бывшего когда-то леса. Оглоданными скелетами распростерлись изгрызанные временем стены древних городов.

Где проходили великие путники, народы переселений? Кое-где одиноко возвышаются керексуры, менгиры, кромлехи и ряды камней, молчаливо хранящих ушедшие культы. Конечности Азии бьются вместе с океанскими волнами в гигантской борьбе. Но живо ли сердце? Когда индусские йоги останавливают пульс, то сердце их всё же продолжает внутреннюю работу; также и с сердцем Азии. В оазисах, в кочевьях и в караванах живёт своеобразная мысль. Эти множества людей, совершенно отрезанные от внешнего мира, получающие через многие месяцы какое-то извращённое известие, не умирают. Всякий знак цивилизации, как увидим, встречается ими как долгожданная весть. Чтобы не отвергнуть возможности, они стараются согласовать религии свои с новыми условиями жизни. <...>

Конечно, трудно говорить о всей Центральной Азии подробно. Но в отрывочных характеристиках всё-таки мы можем отметить и современное состояние этих огромных областей, и оглянуться на памятники славного прошлого. Как и всюду, с одной стороны вы можете найти и замечательные памятники, и изысканный способ мышления, выраженный на основах древней мудрости, и дружелюбность человеческого отношения. Вы можете радоваться красоте и можете быть легко поняты. Но в тех же самых местах не будьте удивлены, если ужаснетесь и извращённым формам религии, и невежественности, и знакам падения и вырождения.

Мы должны брать вещи так, как они есть. Без условной сентиментальности мы должны приветствовать свет и справедливо разоблачать вредную тьму. Мы должны внимательно различать предрассудок и суеверие от скрытых символов древнего знания. Будем приветствовать все стремления к творчеству и созиданию и оплакивать варварское разрушение ценностей природы и духа.

Конечно, моё главное устремление, как художника, было к художественной работе. Трудно представить, когда удастся мне воплотить все художественные заметки и впечатления - так щедры эти дары Азии.

Никакой музей, никакая книга не дадут право изображать Азию и всякие другие страны, если вы не видели их своими глазами, если на месте не сделали хотя бы памятных заметок. Убедительность, это магическое качество творчества, необъяснимое словами, создаётся лишь наслоением истинных впечатлений действительности. Горы везде горы, вода всюду вода, небо везде небо, люди везде люди. Но, тем не менее, если вы будете, сидя в Альпах, изображать Гималаи, что-то несказуемое, убеждающее будет отсутствовать.

Кроме художественных задач, в нашей экспедиции мы имели в виду ознакомиться с положением памятников древности Центральной Азии, наблю-

дать современное состояние религии, обычаев и отметить следы великого переселения народов.

Эта последняя задача издавна была близка мне. Мы видим в последних находках экспедиции Козлова, в трудах профессора Ростовцева, Боровки, Макаренко, Толя и многих других огромный интерес к скифским, монгольским и готским памятникам. Сибирские древности, следы великого переселения в Минусинске, Алтае, Урале дают необычайно богатый художественно-исторический материал для всего общеевропейского романеска и ранней готики. И как близки эти мотивы для современного художественного творчества. Многие звериные и растительные стилизации могли выйти из новейшей лучшей мастерской.

Основной маршрут экспедиции выразился в следующем обширном круге по срединной части Азии. Дарджилинг, монастыри Сиккима, Бенарес, Сарнат, Северный Пенджаб, Равалпинди, Кашмир, Ладак, Каракорум, Хотан, Яркенд, Кашгар, Аксу, Кучар, Карашар, Токсун, Турфанские области, Урумчи, Тянь-Шань, Козеунь, Зайсан, Иртыш, Новониколаевск, Бийск, Алтай, Ойротия, Верхнеудинск, Бурятия, Троицкосавск, Алтын-Булак, Урга, Юм-Бейсе, Анси-Джау, Шибочен, Наньшань, Шарагольчи, Цайдам, Нейджи, хребет Марко Поло, Кокушили, Дунгбуре, Нагчу, Шендза-Дзонг, Сага-Дзонг, Тингри-Дзонг, Шекар-Дзонг, Кампа-Дзонг, Сепола, Ганток, Дарджилинг.

Следуя по горным перевалам переиленным, мы получаем следующий лист 35 перевалов, от 14000 до 21000 футов.

Соджи-Ла, Кардонг-Ла, Караул-Даван, Сассер, Дабзанг, Каракорум, Сугет, Санджу, Урту-Кашкариин-Дабан, Улан-Дабан, Чахариин-Дабан, Хенту, Нейджи-Ла, Кукушили, Дунгбуре, Танг-Ла, Кам-Ронг-Ла, Тазанг-Ла, Ламси, Наптра-Ла, Тамакер, Шенца, Ланце-Нагри, ЦагЛа, Лам-Линг, Понг-Чен-Ла, Дончен-Ла, Санг-Мо-Ла, Киегонг-Ла, Цуг-Чунг-Ла, Чжя-Ла, Уранг-Ла, Шару-Ла, Гулунг-Ла, Сепо-Ла.

Чтобы не возвращаться более к условиям перехода перевалов, нужно сказать, что, кроме перевала Тангла, за все эти многочисленные переходы никто из нашего каравана серьезно не пострадал. Но и в случае Тангла были особые условия. Была нервность, происшедшая от неясных переговоров с тибетцами, хотя и сам перевал имеет, несомненно, какие-то климатические особенности.

Юрий имел такую сильную атаку сердечной слабости, что почти упал с лошади, и доктор наш, применяя очень сильные дозы дигиталиса и аммония и восстанавливая кровообращение массажем, очень опасался за его жизнь. Лама Малонов упал с лошади и без чувств лежал на дороге. Кроме того, ещё трое из спутников имели, как они выражались, сильные припадки "сура", выразившиеся головной болью, ослаблением кровообращения, тошнотой и общей слабостью. Впрочем, подобная слабость в большей и меньшей степени часто сопровождает переход горных вершин. На перевалах нередко замечается также кровотечение, сперва из носа, а затем и из других менее защищенных мест. Тот же симптом часто выражается на животных после 15000 футов высоты. Караванный путь через Кардонг, Сассер, Каракорум особенно обильно усыпан скелетами всех родов животных: лошадей, ишаков, яков, верблюдов, собак. Мы встречали на пути несколько брошенных ослабевших животных, из носу которых обильно текла струя крови. Неподвижные и дрожащие, они ожидали неизбежный конец свой. И действительно, конец их был неизбежен: спасти их

могло бы лишь одно, а именно спустить их с 17 — 18 тысяч высоты, на которых они находились, на высоту 7 — 8 тысяч, но это было невозможно. В нашем караване были случаи кровотечения у животных и у людей, но без серьёзных последствий. Вероятно, этому помогали меры, принятые нами перед каждым перевалом.

Неопытные люди могут думать, что перед трудною высотой следует подкрепиться обильной и мясной пищей, выпить вина и покурить. Но все эти три обстоятельства и являются главными врагами. Испытанные проводники ладакцы определённо сказали нам, что перед каждым перевалом как людям, так и животным благодетельным будет именно голод и ничто раздражающее не должно быть допускаемо. На каждый перевал мы шли с утра, задолго до солнечного восхода, и выпивали лишь небольшую кружку горячего чая. Коням же перед перевалами не давали ни овса, ни сена. Бывший с нами лама неоднократно страдал кровотечением, но семидесятилетний китаец-переводчик ни разу не чувствовал затруднений при переходах. Конечно, всякое лишнее движение или несоразмерная работа вызывали слабость, головокружение и у некоторых тошноту. Но несколько минут спокойствия восстанавливало нарушенное кровообращение.

Среди особенностей снежных перевалов мы подверглись так называемой снежной слепоте. Трое испытало её в разных степенях. Калмык Кедуб, тибетец Кончок и я. Вся неприятность длилась от пяти до шести дней с разными следствиями. У меня был поражён правый глаз, и: после двух дней в нём появились все изображения удвоенными совершенно ясно и чётко. У Кедуба и Кончока появилось четыре изображения. Мы проверяли это показание и упорно получали тот же ответ. Не меньшую неприятность доставлял нам и особенно Е. И. так называемый горячий снег, когда снег от отражённого солнца даёт нестерпимый жар, от которого некуда скрыться.

<....>

Кроме основного состава экспедиции из Е[лены] И[вановны], Юрия и меня, в течение нашего долгого пути, кроме караванных слуг, мы имели ряд временных сотрудников. По Сиккиму с нами был Святослав и лама Лобзанг Мингюр Дордже, известный знаток тибетской литературы, учитель большинства европейских тибетологов современности. Каждый, шествующий по Сиккиму, встречается с любезным отношением генерала тибетской службы, ныне на британской службе, Ладен-Ла, который оказывает всяческое содействие путешественникам. В дальнейшем пути с нами шёл в качестве китайского переводчика семидесятилетний офицер китайской армии Сайкен-Хо и калмыцкий лама Лобзанг. На Алтае с нами были З. Г. и М. М. Лихтман. После Урги в экспедицию вошёл доктор Рябинин, заведующий транспортом Портнягин и две необычные помощницы Е[лены] И[вановны], местные казачки сестры Людмила и Рая Богдановы, из которых младшей Рае при отправлении экспедиции было 13 лет. Думаю, что она была самой молодой из прошедших суровое нагорье Тибета. Присутствие трёх женщин в экспедиции, разделивших все опасности жестоких морозов и трудности пути, должно быть определённо отмечено. В Шарагольчах перед Улан-Даваном к экспедиции из Китая подошёл полковник К. и заведующий хозяйством Г.

Н.К. Перух «Сердце Азии». Alatas, 1929.

ЯНВАРЬ

Вид на Канченджунгу из Дарджилинга
Внизу надпись: SNOWY RANGE FROM BHUTA BUSTI
(Ч/б фотография из архива Н.К. Рериха. Отдел рукописей ГТГ, ф.44/ 1836)

1 января 1924 г.

Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке

1 января, 1924 г..

Дорогие и любимые!

Сегодня начался так сильно ожидаемый год – мы посылаем вам нашу радость, любовь и все лучшие пожелания. Я пишу из отеля, но передо мной вид Канченджанги, позади её пиков – Святой Ашрам.

Я пишу вам, что было дано сегодня М.М.:

Янв. 1. «Христос сказал Будде: “Негоже Самим Храмы строить, Самим на колокольне звонить. Брат Будда, собери тех людей, которые могут третий глаз возжечь, помоги им пустыню пройти, надели их достатком строительным, чистую звезду перед ними зажги, воздай меру доверия. Пусть Храм вознесётся руками человеческими, чтобы было куда войти Нашему Собору. Удумаем, куда посадить строителей, какою мерою честь воздать тому, кто за Нас на весь Мир позвонил. Быть тому в Звенигороде”. Записана Заповедь Христова 1 января в 1924 году перед великою горою. Заповедь пошли призванным каменщикам. Замечай нити великой пряжи. Твёрдым сознанием горы перейдётся».

Янв. 2. «Удар, удар, удар минует Мою дочь. Чувствую удары по щиту в Америке. Укажу на удар, направлю удар для пользы Учения – так запиши сегодня. Моему Учению нельзя нанести вред. Вижу невежество клеветников. Жестоко разобьют лбы, но дайте им время.

Когда приближаемся к заповедям Христа и Будды, что нам пыль порога. Раковина устрицы без её содержания».

Любимые, я пишу мало, потому что мы заняты переездом из отеля в дом. Было дано задание найти дом, приготовленный для нас, и, конечно, я сразу нашла жилище. И вы можете себе представить наше радостное удивление, когда, придя к агенту и указав ему на выбранный дом, мы услышали от него, что десять лет назад в этом доме в течение трёх лет жил Далай Лама, спасавшийся бегством от китайцев, и с тех пор никто не жил там. И особенно был подчёркнут тот факт, что он остался в живых. Затем было сказано найти комнату, где были повторены Его послания, и она сразу почувствовалась. Я преобразую её в <...> и буду работать и писать там, потому что эта комната предопределена мне.

«Здесь мы живём в доме, где три года жил Далай Лама...»

Талай-Пхо-Бранг. Дом, где останавливались Рерихи в 1924 г.

Каждый день приносит новые знаки, новые нити вплетаются в великое полотно. Вчера очень известный и уважаемый учитель хинди, который живёт здесь, ученик великой Йоги, послал проф[ессору] Р[ериху] в качестве подарка свою книгу о философии Веданты. Завтра проф[ессор] Рерих идёт увидеться с ним.

Сожалею, что я должна закончить письмо. О всех красотах, обо всём я напишу подробно, как только буду иметь несколько свободных минут. Обнимаю вас всех, мои любимые. Радостно получать ваши письма, чувствовать всех вас такими выдержанными.

Я сожалею об одной вещи, что о многом не могу писать, так как ваши письма приходят открытыми.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк (машинопись, перевод с английского)

1 января 1924 г. Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к Гребенщикову Г.Д.

Родной Тарухан, 1 января была дана нам перед снегами Гималаев заповедь чрезвычайного значения.

«Христос сказал Будде: негоже самим храмы строить, самим на колокольне звонить. Брат Будда, собери тех людей, которые могут третий глаз возжечь. Помогите им пустыню пройти. Надели их достатком строительным. Чистую звезду перед ними зажги. Воздай меру доверия- пусть Храм вознесётся руками человеческими, чтобы было куда войти Нашему Собору. Удумаем, куда поведать строителей, какую мерою честь воздать тому, кто из Нас на весь мир позвонил. Быть тому на Звенигороде».

Записана заповедь Христова 1 января перед великою горою.

«Запись пошлите призванным каменщикам. Замечайте нити великой пряжи. Твёрдым сознанием горы перейдёте. Указ явите Тарухану. Уже вижу, какой путь ему назначен, какой груз повезёт на Алтай».

Знаем, как вы будете радоваться этой вести. По настроению прочтите остальным. Перепишите и пошлите Яруе, а он Чахембуле.

Сегодня яркий студёный день. Думаем сейчас, как Татьяна Денисовна будет полезна в столовой при Мастер Институте. Много благих знаков около нас.

Целуем Духом с Вами,

Рерих

Автограф письма хранится в Архиве И.Р. Рудзите. Письмо от 3 января 1924 г.

1 января 1924 г. Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к Шибяеву В.А.

1 января 1924.

Родной Яруя, шлём Вам лучший привет к Новому Году. Идите вперёд также смело и светло, как начали. Зорко смотрите кругом во имя Блага. Вот мы перед вершинами Гималаев, вот кругом многие знаки, вот нам дан для жилья дом, где жил три года Далай Лама. Не удивляйтесь, что пишу кратко, - на то есть причины. Главное знайте, что всё хорошо, и мы работаем.

Прилагаю письмо к г. Храброву (большая табачная фабрика в Выборге). У него хранится 23 или 21 наша вещь. Выпишите их пароходом, вскройте и сообщите нам их содержание. Тогда мы сообщим Вам как ими распорядиться. Часть вещей пойдёт в Америку. Там много книг, домашние вещи и несколько моих этюдов. Пользуйтесь пока адресом на Calcutt, у.

Имеем письма из Америки, из Парижа — от Вас пока ещё не получено, но знаем, что у Вас всё ладно. Видели, что Соок зарабатывает чуть ли не 50%-60% и думаем о возможностях World Service. Только бы понять и не оттолкнуть всё что посылается. Итак, действуйте.

Здесь много тигров, леопардов и шакалов; на холмах развеваются Буддийские знамёна, а над всем за грядою облаков сияют снеговые вершины.

Духом всегда с Вами

✍

Публикуется по изданию: Н. К. Рерих, "Дерзайте!" Письма (1921-1925). Абакан. 2012.

2 января 1924 г. Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

Дорогие и любимые. Я даю вам наш адрес. Вне круга его никто не должен знать. Снова получили ваши прекрасные письма. Не получив ещё ваши вопросы, я уже написал, что сейчас нужно писать о Музее в Россию и везде, куда можно и прежде всего тем, с кем мы ведём переписку. Вы получите журнал *Welfare* со статьёй – можно цитировать статью без упоминания имени автора. Пошлите статью в *<New Siegrist>*. Будет интересно получить почтовые открытки и фотографии. Можно было бы продать открытки в Индии.

Завтра мы переезжаем из отеля в указанный дом. Перед домом – Гималаи и справа видна дорога в Лхасу. Всё это так грандиозно, что даже самая большая клевета становится неважной.

Я уже имею план серии [картин] «Его страна» – всё на фоне Гималаев. *<...>* Учитель хранит нас от разных случайностей, даже наше имя в отеле было написано неправильно, но, увы, только что был звонок по телефону от русской леди – невозможно скрыться. Какие сегодня были предупреждения от Учителя. Несомненно, вокруг больших дел много клеветы. Это лучшее мерило работы. Мы целуем вас всех. Всегда с вами.

Статья об открытии Музея может быть послана директору музея в Мадуре, адвокату Мукерджи, адрес которого я послал вам в прошлый раз, м-ру Ван Маанену, Азиатское общество, с просьбой разместить её в журналах. В статье нужно подчеркнуть 24 марта и Нью-Йорк. Для Индии нужно отметить, что в школе рядом с моим бюстом стоит Тагор и что я сейчас в Индии.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (машинопись, перевод с английского)

3 января 1924 г. Нью-Йорк

Из письма З.Г. Лихтман к Рерих Е.И.

Дорогая, любимая моя Е. И.!

Так переполнилась душа за последние 2 дня, что хочется с Вами поделиться нашей радостью. Как я Вам уже писала, Порума и Логван уехали 24-ого в Atlantic City, где должны были пробыть 10 дней. Отчасти нам было грустно, что мы не могли вместе встречать 25-е Декабря и 1-е Января. Как нам было ещё указано в прошлом году. Но больше недели в смрадном и противном, переполненном месте они не могли пробыть, как они нам потом рассказали, и 31-го вечером они приехали. Это было для нас всех настоящим праздником. Мы все собрались у нас 31-го Декабря. Перечли всё, что произошло год назад в этот незабвенный для нас день, когда вы, любимые мои, были с нами, и, полные умиления и радости, посвятили этот день Отцу нашему и Вам. *<...>*

Мама просит Вам передать слышанное ею – следить за здоровьем Станислава. Мы думаем, что это относится к Светику. Как его здоровье? А также как чувствует себя Юрий?

А Вы, моя любимая, как на Вас влияет климат? Пишите мне, хоть пару слов, родная, Ваши письма это слова бодрости, утешения для всех нас, ибо каждое Ваше письмо я перевожу и делаю копии, делаю это со всеми письмами.

<...> Часто пишем Гребенщикову и Завадскому, получаем от них чудесные письма, они уже готовятся к приезду сюда. Идёт усиленная работа в Музее. До Рождества в школе было уже 186 учен., не считая что многие брали несколько предметов. Не правда ли прекрасно!

Крепко обнимаю и целую Вас, любимая моя, часто вижу Вас в снах и получаю от Вас ценные указания на настоящее, да и мы все имеем Вас всегда с нами. Ещё раз обнимаю и целую Вас всех.

Любящая Вас, Радна.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

6 января 1924 г. Нью-Йорк
Из письма З. Лихтман к Рерихам Е.И. и Н.К.

Янв. 6 1924. Нью-Йорк

«Дорогие и любимые мои,

Вчера у нас был день радости - получили Адамант. Напечатано чудесно, в конце книги помещён подробно каталог школы – и motto, а что касается Corona Mundi, помещено всё, кроме motto². Так что Вы были правы, писав нам, что бьётся, что его выпустят. Очень жаль! В конце книги, на последней странице помещено объявление Шкляра о его журнале. Между прочим, он недавно прислал подробное письмо Хоршу, прося его распространить журнал здесь, даже письма готовые прислал, кому их послать. Но мы, зная, что Вы нам сообщали о нём, будем очень осторожны. Адамант решено продавать по 1 дол. Дать его в разные книжные магазины. Деньги от продажи будут положены для Юрия и Светика, как мы знаем. Что касается "Leaves of M's Garden" [«Листья сада М.» (англ.)] она 2ого Января была помещена у нас в библиотеке, её посылают всем тем, кому Вы указали, и Порума пойдёт на днях в Philosopher's Bookместить её там для продажи. К сожалению вчера вечером Порумочка не могла быть с нами, у неё была ужасная головная боль.

Наши детские субботники прекрасно развёртываются, вчера Модра читала детям о происхождении драмы и читала прекрасно – так просто и жизненно. У нас прибавилось двое очень талантливых детей – по скрипке – full scholarship [полная стипендия(англ.) – ред.] и по виолончели - half scholarship [половина стипендии (англ.) – ред.]. Уже nucleus будущей камерной музыки, ибо это брат и сестра.

Мы начинаем в этом семестре планы педагогические, criticism (уже составил класс) и ensemble (даровой) по роялю. <...>

Здоровье Светика беречь надо. <...>

Любимые мои, так радостно трудиться в школе и чувствовать, как она растёт и как ученики начинают тоже проникаться духом и атмосферой её.

Вы нас научили труду и радости и вся наша жизнь заполнилась. Чувствую Вашу радость при этом сознании, любимые мои, и ощущаю ежечасно Вас с нами. Обнимаю и целую Вас всех. *Ваша любящая Вас Радна*».

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

---

² Девиз (англ.) – ред.

7 января 1924 г. Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

Ещё одна линия, чтобы протянуть более длинную нить вселенского невидимого союза. Посылаю заметки на 2 адреса, Лондон и Калькутта. Нужно скорее начать писать о музее.

Мы сейчас не уверены, все ли ваши письма доходят до нас, чтобы им дойти, нужно пересечь гору. Сейчас известно, что Далай Лама искал уединения и вида на Тибет. Поверх всех холмов перед нами стоит стена Гималаев, отделяющая Тибет от Индии. Как утомительны вопросы: вы собираетесь в Тибет? Сейчас известен Лама Мингюр, старейший из живущих здесь, очень известный астролог. Имеется много знаков. При переезде в дом мы простудились, и было послание, что нужно активно дышать.

Насколько эти места нам ближе, чем пыль Бомбея и Калькутты.

Мы посылаем заметки о серебре. Целуем вас.

Mark'u Wilinkin'u можно написать о размещении статей и т.д.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (машинопись, перевод с английского)

10 января 1924 г. Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к Шибяеву В.А.

10 Jan. 1924. Villa Hillside. Darjeeling. India.

Родной Яруя, радовались Вашему первому письму сюда. Через всю Индию, через красоту, через пыль, через всякие вещи добрались мы сюда. Этот адрес на год. Никто кроме носителей Знака его не знает. Мой брат или Степ[ан] Степ[анович Митусов] пусть пишут Вам, а Вы перешлёте.

Не понимаю, за что Americ[an] Express требует с Вас 2000 fr. Все наши 13 ящичков от Парижа до Бомбея стоили 1700 fr. Придётся Вам разложить этот чудовищный фрахт на цену книг. Напишите об этом Логвану. Понятно, почему Thos. Cook и American Express имеют дворцы. С меня за 20 книг Amer[ican] Express в Calcutt,е потребовал 15 rupees только за очистку таможни; во что же должна превратиться цена книги?

Здесь мы живём в доме, где три года жил Далай Лама. Кругом так много знаков. Поддержите письмами Чахембулу. Его дух растёт и нуждается в ласке. Радуюсь контакту с Таруханом. Конечно, всё касаемое Нью Йорка так и должно быть. Стройте Ваши планы на W[orld] Service широко. Ещё раз запросите Министра, чем можете помочь ему. Может быть, они дадут Вам плакаты по курортам, или дадут средства издать путеводитель. Ведь о побережье и о старых городах можно так хорошо написать. Действуйте широко — как и подобает всемирной идее. Привет Пурвиту - он был всегда честный товарищ. Как статья у Эглита? Уже складывается у меня серия картин: 1. «Жемчуг исканий». 2. Сжигание тьмы. 3. «Свечи прихода».

Будем все дружно трудиться во имя великого дела. Приготовьте легенду для печати ровно через год. Крепко Вас обнимаем.

Духом с Вами

Р

Публикуется по изданию: Вестник Ариаварты. 2002. № 1.

12 января 1924 г. Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорк

Янв. 12. 1924. Дарджилинг.

Мои дорогие и любимые.

Если вы утонули в подробностях размещения, то и у нас есть свои собственные хлопоты по устройству. Сделать жилым дом, в котором никто не жил в течение нескольких лет, не так просто. Как и во всём мире, над электричеством можно только подшучивать, замки не работают и рамы кривые. Чтобы привести всё это в порядок, приходят люди в самых странных костюмах – электрик без брюк, в шали, кузнец в невероятном тюрбане; повар, задрапированный в простыню, и всё это говорит, по крайней мере, на восьми языках, совершенно не родственных или похожих друг на друга. И через весь этот жизненный вихрь звучат величественно высокие знаки, и мы особенно радуемся, видя, что у вас также, несмотря на все детали организационных хлопот, дух ваш растёт и подробности жизни вас не беспокоят, но [идёт] ценное накопление знаний и опыта. И так идите, подобно львам, и знайте, что каждый шаг преданности и любви добавляет доверию к жизни ещё одну привлекательную величину.

Вначале мы все простудились, потому что температура на 7000 футах зимняя, хотя всё в зелени и рододендроны в цветах. Я начал писать статью, которую закончу после путешествия по монастырям и пошлю вам. Было бы хорошо разместить её в *Hearst's International*, что сделает её значительней. Копии статьи на русском пошлите Яруе [В.А.Шибяеву. – Ред.], Гребенщикову и Шкляверу. Они разместят её.

Я уже писал вам о монастыре, где есть чудо самонаполняющейся чаши. В другом живут только отшельники и обитатели пещер. Вчера я спросил Ламу, правда ли, что скоро будет торжество Духа? Он посмотрел на меня и сказал: «Таковы пророчества». Но никого не обидим, будем жить осмотрительно.

Очень скоро я начну мои картины. Через восемь дней прибывают краски и холсты. [Картины серии] «Его страна» разделены на три части: Жемчуг исканий; Сожжение тьмы; the Pearls of Searches Бог даст, вы увидите их в Америке. *Итак, идите львами, любимые. Какая радость творить и Создавать.*

Я писал Яруе, что ему следует шире развивать круг *World Service (Всемирных связей (англ.) – Ред.)* – возможно попросить заём у Латвийского правительства на издание «Гида путешественника по курортам и древним городам». *American Express* потребовало от него 2000 франков за транспортировку паромом ящика книг из типографии – это настоящий грабёж, потому что наши тринадцать тяжёлых чемоданов через *Cook'a* стоили от Парижа до Бомбея 1700 франков. Теперь [понятно] почему транспортные компании имеют дворцы. В Индии *Cook* делает прибыль от 40 до 100 процентов. Согласно последним указаниям приезжает в Америку Тарухан [Г.Д.Гребенщиков – ред.] – [В.В. – ред.] Завадский может прибыть позднее. Очевидно, готовится большое общее серебряное предприятие. Конечно, давайте не будем спешить, потому что всё даётся вовремя. Только не испортить поток благословений, который теперь направлен к каждому из нас. Мы в восторге, что в Америке было всего лишь

несколько заметок о Музее – сердиться не нужно, но по всей зарубежной прессе и в Россию можно разослать множество статей в журналы и газеты, и особенно через всех наших подписчиков и носителей знака. В Америке все действия без риска и только через друзей.

В гостинной лучше не вешать никаких картин из музея, также и в фойе. Если специально назначенного места будет недостаточно, лучше [развесить] в больших классах. Перед продажей книги Селивановой, хорошо пригласить её провести по этой книге лекцию в школе. Хорошо, после Беллоуза, пригласить Рокуэлла Кента провести лекцию о его путешествии в Патагонию. В любом случае, он лучший американский художник и его имя интересно заполучить в школу. На этот год одного конкурса *Atlantis* достаточно.

Предложите Гребенщикову написать статью об идее Музея. Она может быть использована повсюду. Я не думаю, что Гребенщиков станет назначать цену. Он проходит не как иммигрант, а как приглашённый преподаватель школы.

Дорогие и любимые, посылаю вам список, куда послать обе книги для рецензии. Было бы хорошо послать мисс Мери Гарден из Чикагской оперы с персональным письмом от Логвана [Луис Хорш. – *Ред.*] и с приветствиями от проф. Р[ериха]. с Гималаев. Мы подумали о замене учителей и, действительно, все деспотичные люди должны быть поставлены на место. Если Штернер уедет, на его место придёт новый и молодой. Так же, как и Зак смеялся над сообщениями о Сибири, а теперь вы видите, как расширился его горизонт. Всё будет хорошо и огромно, только бы довести всё до своего конца.

Список, чтобы послать приглашения о Музее, а также о выходе книг. (Смотри дополнительные листы).

Я хочу иметь визитку с напечатанной на ней информацией о выходе книг и послать список друзьям.

Шибаяеву пошлите легенду целиком. Чахембула [*Н.В.Кардашевский. – Ред.*] сделал большие шаги и приносит мне радость своими письмами. Он много пережил.

Как было сказано, поистине мы тихо отплыли с последней лодкой. После этого сразу прошли ужасные штормы от Англии до Арабских морей, и много кораблей погибли, тогда, как мы плыли по тихому озеру.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (машинопись, перевод с английского)

13 января 1924 г. Дарджилинг
Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорк

13 Янв. (М-м Р.)

Родные и любимые.

Уже прошла неделя, как мы живём в доме Далай Ламы. На второй день, как мы переехали сюда, я заболела и слегла. Сырость нежилого дома сказалась на всех нас, до сих пор мы все кашляем и чихаем. Как только мне станет лучше, я пришлю фотографии дома и вид Гималаев. Мы ещё не писали вам о наших путешествиях. Начну с Джайпура. Джайпур в Раджпутане, столица махараджей Раджпутана. Это сказочный город, окружённый парковой стеной, весь ажур-

ный, похожий на розовую, с бледно-вишнёвым оттенком жемчужину. Широкая улица – целая гамма тонов в движении – магазины с распахнутыми дверями расположены рядами, много разноцветных тканей и ковров, ослепительно сияет медная посуда самых разнообразных форм; люди стройные и прекрасные в своих богато расцвеченных одеждах и красивых тюрбанах; верблюды шествуют размеренным шагом, разрисованные и украшенные слоны издают дрожащий звон колокольчиков на их покрывалах, и здесь же, посередине улицы, двое мужчин, растягивают, как транспаранты, многоцветные ткани, прохаживаются туда-сюда и сушат на солнце и ветру свежоокрашенную одежду. Для нас всё это выглядело как праздник, для них – привычным зрелищем. Очень интересны двуколки – на двух высоких колёсах, украшенные и инкрустированные порой чистым серебром. Но, несмотря на всю их привлекательность, мы не рискнули испытать их. Потому как сидеть на них полагается в индусской манере, со скрещенными ногами. Но мы не акробаты и предпочитаем европейское удобство – автомобиль, который здесь используется только туристами.

Как город, Джайпур – небольшой, не больше нашего провинциального города. Жизнь здесь патриархально тихая. Европейская культура едва ли коснулась этого уголка, потому что он находится только под её протекторатом. После захода солнца, никто из населения не рискует выходить за стены города, потому что тигры начинают свои ночные обходы.

Изумляет множество дворцов. Через каждые два дома третий – дворец, и все действующие. Я постараюсь найти несколько фотографий, сделанных мальчиками, хоть и не очень хороших, но всё-таки они дадут вам представление. Из строений совершенно замечателен розовый дворец, называемый Тысяча окон, построенный одним махараджей для своей жены. Вы увидите его на фото.

Затем весьма удивительна астрологическая обсерватория, которая занимает громадную площадь; только, к сожалению, нет почтовой карточки с ней. Это какая-то футуристическая конструкция из лестниц, меридианов, башен – производит впечатление очень современной театральной постановки в духе доктора Калигари¹. Астрологию здесь чрезвычайно уважают, так же как и в Тибете.

Н.К. Рерих. Астрологическая обсерватория. 1924-25.
(Однотонное воспроизведение в Монографии «Roerich. Himalaya». 1926.)

Из Джайпура мы сделали экскурсию в Голтапасс – Храм обезьян. Вам нужно взять автомобиль, чтобы добраться до подножия горы, затем предлагается забраться на слона, потому что извилистые восхождение и спуск очень крутые. Пересекая горы, мы не могли сдержать возгласов восхищения от самого неожиданного зрелища. Посреди ущелья между горами стоял сверкающий пурпуром и золотом дворцовый замок, словно вырезанный из слоновой кости с огромным количеством ажурных беседок и башен. С противоположной стороны горы стекал ручей и наполнял мраморный бассейн, мраморные лестницы спускались на террасы к этому дворцовому замку.

Джайпур. Храм обезьян.
(современное фото)

Я не могу описать всю сложность отдельного строения. Возможно, вы разглядите что-нибудь на фотографиях, хотя они не дают полноты объёма, завершённости и красоты целого. Жаль, что главное население этого дворца – обезьяны, совместно со своими соседями тиграми, не позволяют вам наслаждаться и продлить слишком надолго ваше пребывание в этом месте. Эти священные обезьяны постоянно разделяемы на два враждующих племени, и сегодняшние служители, со всем почтением к потомкам Ханумана и с большой охотой, устраивают бои между ними для забавы иностранцев, и, когда опасность становится слишком большой, они разгоняют их с помощью очень длинных бамбуковых кнутов. Наши проводники очень нас торопили вернуться в город, потому что было уже четыре часа, а после пяти тигры выходят на охоту. На обратном пути проводник указал нам на место, где день назад, в это же время, тигр напал на стадо и утащил козу. Там всё ещё следы крови. После этого жуткого рассказа, нам очень захотелось оказаться внутри стен города.

Наше следующее путешествие из Джайпура было в Амбер, без сомнения, это самое красивое из всего, что мы видели. Конечно, природа добавляет много красоты этому месту.

Амбер и старый дворец, где родилась Джодбай, царственная жена Акбара, стоит на холме в живописной долине, окружённый цепью холмистых гор, на вершинах которых вы можете видеть на мили и мили стены островерхих розовых фортов.

(Современное фото дворца)

Сам дворец цвета слоновой кости, частично из мрамора, построен над искусственным озером так, чтобы полностью отражаться в нём. Великолепие архитектуры с величественными пропорциями арочных ворот, которые вы видите, когда спускаетесь на слоне во дворец. Неожиданные панорамы, которые вы обозреваете, арки, роскошь, изысканность строения очаровывают вас полностью. Реальность исчезает в пространстве, и вы живёте всем своим существом в прекрасном и таком романтическом прошлом.

Истинно, трудно представить что-нибудь более романтическое, чем Амбер с его необитаемым дворцом. Внутри дворца прекраснейшая резная работа стен и окон, мраморные умывальницы со специальным устройством для горячей воды, резервуары с ароматной розовой водой, всяческие сады украшают орнаменты и зеркальные залы, где канделябры отражаются тысячами огней. Мы видели двор, отделанный белым мрамором, куда приходили для турниров принцы – женихи для раджпутанских принцесс.

(обрыв письма)

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (машинопись, перевод с английского)

Н.К. Рерих, Е.И. Рерих и Ю.Н. Рерих в Сиккиме. 1924 г.

[13-15] января 1924 г. Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

Дорогие и любимые.

Сегодня хочу ещё раз сказать, как дать возможность делу воплотиться в жизнь. Сколько бы вы ни поливали дерево, до тех пор, пока его корни не станут сильнее, оно всегда будет чувствительно к бурям. Поэтому я хочу сказать о школе и музее – пусть они прорастут в жизнь; пусть музей откроется без шума, основательно, не вызывая раздражения тёмных. Через экскурсии школ, клубов, организаций они прорастут в жизнь. Заметки по большей части в иностранной прессе, но, даже, если они будут небольшие, значит так нужно, и теперь нам сказано заниматься картинами и сидеть очень тихо, без шума. И действительно, обстановка очень неустойчива. Что произошло с франками? Вы помните, как было давно сказано не менять доллары на иностранные деньги; и фунты? И в самом деле – новая волна событий и, как обычно, в новом русле. И Китай, и Афганистан. Здесь необходимы гармония и соизмеримость, [действовать] активно и чутко, и не получая врагов в орбиту вращения. Так же мы все знаем, что враги часто полезны.

Желательно, чтобы Тарухан не откладывал свой приезд; снова было сказано о нём, и мы оба чувствуем, что он и его жена будут полезны. Можно ли дать его первую статью Роджерсу? Вы видели Роджерса? Как он себя проявляет? Отдал ли Ланцелотти два моих костюма в Чикагский инст[итут] искусств. Как идёт отправка книги Учителя в магазины? Храм [Человечества], Теософское общество, Келлогу, в Философический, так же в отд[елы] Мэйси и Брентано. Теперь, получают ли книгу на русском в Каменце?

Как точно было сказано давно, что Индия для нас только эпизод – так и есть. Наш путь много севернее. М-м Рерих скоро вам напишет замечательную местную легенду. Уже сейчас мы видим, как вы обрадуетесь многим знакам в ней. Торренсу пошлите «Адамант» и «Мир Рериха» для отзыва. Я думаю, он напишет лучше, чем Старк Янг. Также Босуэллу. Нас не удивила лекция Беллоуза; все сухие листья отшелестят и будут унесены прочь ветром, но нужно время. Возможно ли, чтобы ящик с книгами и тесьмой был застрахован на 15 000 долл., конечно, такая сумма всегда вызывает подозрение для обыска. Вы помните видение миссис [С.В.]Шафран? Если Бэйфилда заменят молодым, будет счастье. Мы представляем, как торговцы, большие и малые, будут ходить на задних лапках, обнюхивая К[орону] М[унди], но вы проявите мудрость, достойную Востока.

Мы посылаем вам самые сердечные поцелуи. Духом с вами.

Наши простуды становятся меньше, но вы не утомляйтесь, особенно Порума [Нетти Хорш – ред.]. Скажите Мерриту, что я пишу для него большую статью. Ему и Народному приветы. Можно дать ему такую заметку: «Рерих и его семья в настоящее время живут на севере Дарджилинга, где раньше жил Далай Лама. Рериховская группа собирается посетить буддийские монастыри в Сиккиме, художник начинает большую серию картин».

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (машинопись, перевод с английского)

13 января 1924 г. Нью-Йорк
Из письма З. Лихтман к Рерих Е.И. и Н.К.

«Дорогие и любимые мои друзья, Ваши открытки и письма из Индии получили, так радостно было читать и чувствовать Ваши первые впечатления и наблюдения. Читая Ваши слова, любимые мои, и мы были с Вами в Elephantos cave, и мы посетили могилу жены Акбара, а также очутились в этой красочной толпе, которую Вы так наглядно описываете. Дух и мысль побеждают расстояние. Как глубоко поразили подробности Вашего переезда и переживания и то, что Вы видели, родная Е.И., проезжая мимо залива К.Т. Как бы преподнялась завеса священной тайны.

Ваши дорогие слова – какой это праздник для нас всех! Читаем, переводим, и вечером в субботу все вместе читаем. Открытку жены Акбара решили отдать в рамочку и повесить в нашей комнате, в доме Порумы.

Вы пишете, дорогой Н.К., чтобы мы продавали книгу Селиваной и каталог Бринтона за 2.50 вместе, а порознь по 1.50. Мы об этом говорили и Хорш думает, что каталог за 1.50 дорого продавать и поэтому предлагает продавать книгу за 1.50, каталог за 1.00, а новую книгу, которую он теперь издаёт с предисловием и 60-тью фотографиями с Ваших картин тоже за 1.00. Что Вы об этом думаете?

Согласно указаниям, мы начали рассылать, куда надо, книгу “Leaves of M’s Garden” [«Листья сада М.» (англ.)]. Порума и Логван пошли в Philosopher’s Book Shop предложить её для продажи, но владелец их ужасно грубо принял, не хотел говорить с ними, не хотел даже взять книгу для чтения. Все мы обсуждали, как поступать в будущем и решили написать письмо в Чикаго и послать им книгу, предложив её для библиотеки и продажи по другим логам.

Здесь же я зайду в отделение Т.О. [Теософское Общество – ред.], ибо знаю этих старушек, и принесу им книгу для библиотеки и предложу для продажи. Для адреса дам Порумы адрес, никаких имён не назову, пусть идёт всё частным порядком. <...>

В Музее решено во всех комнатах выкрасить дерево в серый цвет, под обои, кроме 2-ух боковых комнат на 1-ом этаже. Только 2 этажа отдаются под Музей, в этаже под нами решено устроить класс Halperta, хотя я не вижу, как эти картины поместятся на 2-ух этажах, конечно, включая большую комнату из школы.

Но жизнь, любимые мои, часто приносит решение противоположное решению надуманному, как мы уже много раз убедились. Поэтому радостно сознавать, что всё исполнится правильно, при работе и усилиях с нашей стороны и помощи, которая всегда посылаема в нужный и серьёзный момент. <...>

Классы музыкальные начинают украшаться – уже вчера развесили в них картины, сделалось в них тепло и уютно. Постараюсь на этой неделе снять пару снимков в комнате и послать Вам. От Яруи имеем светлое письмо, но он пишет, что Чахембула очень приуныл и не знает, за что ему приняться. Я понимаю, что ему должно быть тяжело одному. Ведь как мы все бесконечно счастливы, имея друг друга, получая любовь и свет, живя под лучом благодати.

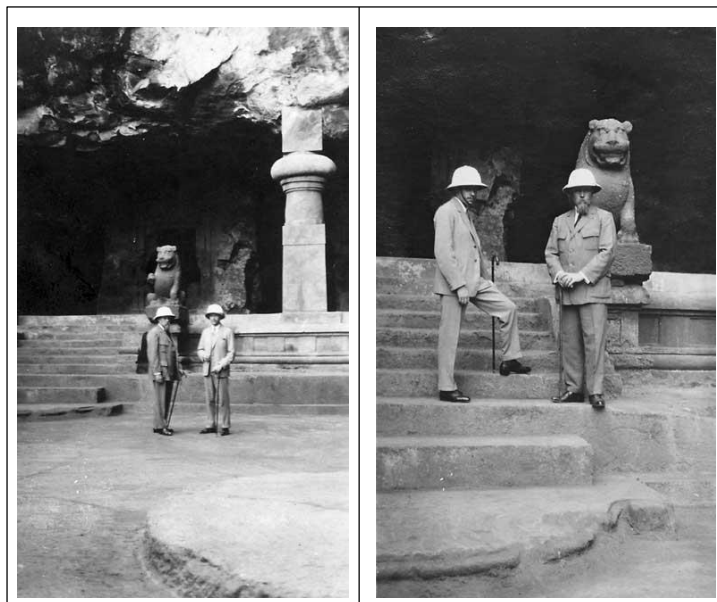
Правда, любимые мои, мы ещё не умеем и оценить всего, ибо, если бы могли, мы бы летали на крыльях радости, а не ходили бы по земле.

Пора кончать, обнимаю и крепко целую Вас всех, мои близкие и любимые.

Ваша любящая Вас Радна»

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

Николай Рерих, Юрий Рерих.
December, 1923 г. Elefanta, India

18 января [1924 г.] Дарджилинг
Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке

Родные и любимые,

Сердце не может вместить всю красоту, которая окружает нас и всё, что мы получаем. Сколько раз в день я так горячо желаю поделиться этим с вами и увидеть ваше изумление и восторг.

Сокровищница наполняется больше и больше. Нельзя описать это в письмах. Мы уже писали вам с парохода. Уже получили посланные вами статьи о Монгольской Легенде из «Сенчури» и взамен рассказываю вам легенду, которую мы слышали не от Учителя <...>, а от авторитетного человека, местного жителя.

Во всех буддийских книгах, во всех древних индуистских легендах упомянута легендарная гора Меру и сказочная страна Шамбала – эта легенда подтверждает существование этой сказочной страны и её владыки благородного происхождения, чьё имя означает Владыка Истины. В царстве этого владыки есть высокая башня, и на её вершухе огромный бриллиант, который освещает своими лучами всё пространство. Согласно этой легенде, в будущем должен прийти могущественный владыка из народа, не буддист, и его помощники будут духами высочайших инкарнаций, во время его правления явится Сам Владыка Мира.

Некоторые Таши ламы были в Шамбале в астральных телах. Один из них даже написал книгу, в которой описал своё пребывание в этой сказочной стране. Было также сказано, что один из монгольских Великих Учителей, разговаривая с учениками, имел привычку неожиданно исчезать. Его призывали Великие Учителя, и по возвращении он передавал им то, что ему было разрешено. Нам очень нравится описание Башни и огромного *бриллианта*.

Только что мы получили ваши письма, родные. Сколько радости! Мы радуемся, что сухие листья быстро уносятся прочь. Плохо, когда они долго остаются на ветках. Вы очистите место от старого. Не бойтесь, новые уже направлены и приблизятся в срок. Забота о вас постоянна. Главное – это мужество и терпение. Это есть понимание сроков. Поэтому теперь мы должны [приступить] к выполнению приказа, сидеть целый год как в панцире, кроме выполнения серии картин, никаких других действий и проявлений. Мы делаем это с удовольствием, потому что организм очень ослаблен и нуждается в хорошем очищении после городских испарений. Уже вторую неделю мои железы в жестоких спазмах и [у меня] приступы кашля, но, как было сказано, главное – очистить железы. Я хочу сказать, касательно открытия Музея. Если вы хотите говорить или писать об открытии, будьте правдивы. Не унижайте себя, говоря, что музей открылся из-за получения тысяч писем и т.д. Имейте мужество сказать, что это делается группой друзей и, в случае вопросов, не забывайте о себе и не скрывайте, что около вас есть ещё семьдесят семь друзей, чьи имена не могут быть опубликованы. Это правда. И прозвучите более внушительно, чем все сентиментальные выпрашивания поклонников неизвестного достоинства. Реклама о событии такой важности в будущем не нужна. Не бойтесь атак. Вы знаете, что вы делаете, но атакующие слепы. Откройте музей с достоинством и без дешёвой помпы. Вы знаете, но не они. Не безымянной толпой <.....> очень много. Это звучит внушительно и хорошо. Очень, очень скоро можно будет понять его, и это постепенно придёт.

Мои родные, мои любимые, если бы только вы могли видеть рост своего духа, какой бы радостью наполнилось бы ваше сознание. Мы видим и радуемся. Будьте всегда такими едиными. Решайте все вопросы только вместе. И постепенно ошибки исчезнут. Мы радуемся приезду Гребенщикова. Всем своим существом я чувствую его огромную важность для будущего и для новых дел в Америке, которые обязательно начнутся до нашего отъезда. Это на ближайшие два или три года. Я очень прошу Логвана обратить самое серьёзное внимание на Тарухана: он будет полезен для него на Аляске, где такое количество серебра. Если он и не аристократ, то сейчас он принадлежит к высочайшей аристократии духа. Его мышление прекрасно и вмещает широкие горизонты. Он уже чувствует размах своих крыльев, и его полёт будет мощным. Всё, что будет сделано для него, будет возвращено сторицей. Завадский может подъехать позже. Я ему сочувствую, у него тяжёлый багаж. Нет необходимости торопить его с приездом. Я часто думаю о Поруме. Боюсь, не утомляется ли она. Двадцать восьмое декабря, послание Учителя: «Научи Поруму не трогать старых вещей в её доме. Старые вещи, принесённые в её комнату, предпочтительно заменить новыми и цветами. Для неё лучше иметь возле себя новые вещи. Пусть повесит “Сам вышел”».

Мои родные и любимые, я обнимаю вас всем своим сердцем. Вы непрестанно в моих мыслях. Каждому из вас шлю любовь и заботу.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк (машинопись, перевод с английского)

[18-20] января 1924 г. Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

Проф. Р[ерих]. То, что вы пишете о нападениях некоего Келлера в Филадельфии, очень типично. Обычно эти отрицающие элементы ничего не видят и ничего не слышат. О картинах самого Келлера тоже ничего не слышно. Если для нового каталога будут сделаны уменьшенные иллюстрации Легенды и Чуда, наверное будет хорошо издать брошюру на иврите с семью статьями о Мессии для Польши, Галиции и России. Можно указать, где в настоящее время находится изображаемое, но публикация не должна исходить от наших учреждений.

Мы получили интервью Логвана. Очень хорошее. На такой широкой основе всё представляется значительным и несомненным.

<...> Мы порадовались объединённому с миссис Шафран сознанию. Кольцо Френсис [Гранд] – знак постоянного наблюдения за движением духа. Оно замечательное. Желательно быть осторожными с Фельдманом. Прежде он был плохим художником и весьма плохим. Во что он превратился сейчас, я не знаю. Гребенщиков пишет, что [А.В.]Руманов стал делать хорошо то, что раньше портил. Делает ли он это только от страха или от осознания – этого я не знаю, но как только он начал делать хорошо, его работы сразу стали улучшаться. Поистине, мы сами несём в себе барометр нашего благополучия. Как легко будет людям принять это, и как выгодно. Но глаза и уши всё ещё плотно закрыты.

Проф. Р[ерих]. 2. Дорогие и любимые, я прошу вас перевести тихо, по библейски, и разместить это в *Heart's International of America* или *Century*, где лучше примут. Просите хорошую оплату. Тагор получает \$500 за маленькую статью. Копию английского перевода пошлите Рапикаволи для итальянской прессы. Напечатайте русский текст в четырёх экземплярах и пошлите Яруе, чтобы он поместил в Латвии и Германии, Шкляверу для *Vie des Peuples*, Гребенщикову, чтобы отдал м-м Савидской и Чистякову в Харбин, Пекинская, 42. Вторую английскую копию послать Гордону Боттомли для Англии, и, когда она будет опубликована в Америке, можно будет цитировать из неё и послать её в газеты. Я надеюсь, эта статья дойдёт до вас не вскрытой, и в целости. Русский оригинал храните в архиве. Будет вторая и, возможно, третья глава. Я прилагаю план выступления для Логвана, в этом же стиле. Но возможны изменения. В этой статье вы найдёте много мыслей, которые покажут вам, как мы живём. Для вас эта статья – простое письмо от нас с рассказом о нашей жизни. Если окажется слишком длинно для журнала, вы можете поделить её на две статьи, но не сокращайте её, потому что в ней нечего сокращать. Нельзя сказать об этом короче.

Вчера было сказано о лестнице Иакова: «Помните камень под головой».
Наша простуда прошла. Берегите своё здоровье. Духом с вами.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (Машинопись, перевод с английского)

20 января 1924 г. Дарджилинг
Письмо Г.Д. Гребенщикова к Рерихам Н.К. и Е.И.

Чудные, милые, светлые Учители мои!

С особым светлым чувством беру перо на этот раз, потому что знаю, что путь Ваш свершается уже вблизи сияющих вершин. За эти месяцы проверена радость и любовь моя к Вам, и ещё больше засияла Ваша любовь ко всем нам. Лучами светлыми сплетены мы с Америкой, Индией, Ригой. Звучит гармоническая симфония положенного Вами Начала. И вера, что это Начало поведёт всех нас к бесконечности, делает маленькими все наши житейские заботы. Правда, труд наш не ослабел, физическое напряжение не имело случая смениться отдыхом, но дух наш бодр, надежды крылатые нас осеняют, и Ваша близость чувствуется ежечасно, ежеминутно. Мы с Вами неразрывны и чувствуем Вас вот так, с тихим, тёплым сиянием, которое столь удивительно влекло нас к Вам на rue de Messine и которое давало гамму предельного счастья около Вас.

Получили Ваше письмо от 31 декабря и открытку со снежными вершинами Гималаев. Милые - порадитесь - горы Алтайские не меньше, величие их не менее сурово, снега их более белы и блистательны! И какое счастье знать, что Вы дышите дыханием гор, и тигры и леопарды почтительно склоняются перед Вами. Ни одной минуты я за Вас не беспокоюсь Вас хранит и ведёт Он Сам, ибо «Устремляя вас в горы, Вооружаю вас к жизни». Знаю и то, что на пути много мусора житейского, но ведь мы знаем, «Чей щит над вами». И будут открылены ступни ног Ваших. И по молнии перейдёте бездны!

Напишу теперь о житейском. Во-первых, три больших письма написал по-английски: Логвану, мисс Грант и мистеру Крейну. Конечно, с массой ошибок, но всё-таки через два месяца, при отсутствии времени учиться дома, - это чудо. Последнее письмо от мистера Хорша всё сам разобрал. И чую, что через 6 месяцев - заговорю прилично. Два англичанина-учителя выделили моё произношение. Значит, надежда есть читать лекции.

Мистер Буайе прислал гонца - пригласил прочесть в Институте восточных языков 4 лекции о Сибири. Я не мог отказать, тем более что это в закрытой аудитории и темы не те, что для Америки. Первая - в будущий понедельник. Читаю перед французами на русском языке, и не по листам, а в виде рассказа. Опираюсь на Ваше благословение.

Книга «Микула Буянович» печатается. Первый экземпляр из именных на японской бумаге - назначен Вам, как первому из первых. Из Америки получил подкрепление 300 долларов, как паи Логвана и Авираха. Я счастлив бесконечно. «Алатас» утверждён всеми. Шибаяев милый уже предлагает сам помочь в распространении.

Руманов исчез. Адреса не могу найти. На его суеверие я вначале смотрел как на прояснение сознания и страх Божий. Но, видимо, человек погиб, хотя я не теряю надежды, что он, так или иначе, внесёт [долг].

Г-жу Бертран мы навестили. Ни одна из двух Ваших вещей не продана, и говорит, надежды мало, так как это вещи на любителя. О выдаче денег, если бы даже они были проданы, она почему-то считает невозможным говорить с Дунканом. Она предлагает взять вещи и передать ей потом на комиссию, но без ручательства за продажу. По её расчётам, если взять две вещи, то за одну следует ещё доплата. В общем, она была очень любезна и искренно проявила готовность ликвидировать этот вопрос по-дружески. Я не решился взять вещей только потому, что от Вас не было уполномочия, но считаю, что лучше взять хотя бы одну большую, но без всякой доплаты, и попробовать продать в другом месте или сохранить для Америки. Подожду от Вас указания и если не дождусь - поступлю по разумению и достойно.

Житейское всё ещё одолевает и оказалось более громоздко, потому ещё добавляю. Слышали ли о появлении новых островов или земель в океане около Испании? В начале января парижские газеты были полны описаниями катастрофы на побережье. Смыло целые городки, деревни. Вода поднималась до первого этажа в некоторых прибрежных гостиницах. Чую, что это не только житейское, а очень важное и предречённое Вами.

Нет, мы не заметили, чтобы письма Ваши к нам были распечатаны.

Ремизов совершенно не отвечает мне. Завадские несут крест сугубой суетности и почти всё впустую. Старушка не встаёт с постели месяцами. Переезд едва ли перенесёт. Оставить же её бояться. Да и веру ей и девушке не дали. А сам он между двух огней и всё ещё ни одного концерта не дал. Денег на поездку нет, а надо 600 долларов. Братья предлагают прислать, но В.В. [Завадский] кокетничает. Пароходства же их двоих берут охотней, нежели меня, ибо я не артист и не профессор, даже без диплома. И вот какое ещё появилось затруднение. Рассматривая материалы обо мне, директор натолкнулся на то, что я рождён на Алтае. Посмотрел на особую карту, и оказывается, Америка совершенно не впускает лиц жёлтой расы, а Алтай включён как раз в краешек жёлтых стран. Далее: в статьях обо мне почти всюду говорится, что я по отцу происхожу из монголов. Теперь требуется документ, что я происхожу из белой расы... Я в затруднении: доказывать ли это? В какое положение я стану по отношению к своему прошлому, которое от этого мне стало как-то ещё дороже. Но, в общем, я уверен, что Он проведёт меня в Америку, не унижая меня и избавив ото лжи. Всё это написано в Америку, и ждём контрактов с какими-либо антрепренёрами, а главное, указаний. Но вопрос с отъездом в апреле решён твёрдо, и уже чуем, что это Его воля, и лишь по Его воле останемся. Всё усиленно ускоряем. «Микула» должен выйти 15-20 марта, а выезд намечаем на 22 апреля, чтобы 30-го быть в Нью-Йорке. Куда послать Вам книгу мою?

Шлём Вам мы двое любовь, молитвы и благословение путей Ваших и верблюдов и яков Ваших. Вам послушный, Тарухан

Публикуется по изданию: "Дельфис" №25(1/2001)

25 января 1924 г. Нью-Йорк
Из письма З.Г. Лихтман к Рерих Н.К. и Е.И.

Дорогие и любимые мои друзья!
Получили Ваши светлые строки из разных мест, фотографии из Amber
получили сегодня и пришли все в восторг – как радостно видеть всех вместе!

И лицо Ваше, любимая Е.И., яснее, чем на какой-либо карточке. Можно ли нам употребить большие фотографии для помещения в журналы Sunday gravure Section, или же хранить для нас?

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

[25 января 1924 г.

Письмо Н.К.Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

Проф. Р[ерих]. Дорогие, относительно изменений в штате учителей, я вспоминаю мои двенадцать лет в школе. Из шестидесяти трёх каждый год менялись от трёх до семи. Тому было много причин. Момент ухода мы всегда старались сгладить для того, чтобы уменьшить враждебность. Очень часто нам это полностью удавалось.

Пусть Греб[енщиков] принесёт наше совместное фото. Можно взять цитату из статьи Бальмонта и сказать американцам от прибывших самые лучшие слова современного русского писателя. Вот так. Горький теперь ничего не пишет. Мережковский стал старым. Куприн пьёт очень много, и его последние работы неубедительны, а Бунин мелок. Кто ещё?

А мы каждый день имеем новые знаки. Всё для будущего. Дорогие и любимые, будьте твёрды. Грядут великие годы, 1924 уже наступил.

Духом с вами.

Я сейчас пишу вторую часть статьи. Разве не будет хорошо перевести её на иврит? После американских журналов почитайте о пророчестве Захарии. Конечно, вы поймёте, что за Иисус имеется там в виду. Обратите внимание на камень перед Иисусом и на северную страну. В *Theosophist`e* говорится о камне Друидов, который был принесён ими из Англии. Вы пригласили Барроуза из Детройта, чтобы увидеть К.М. и ради покупок для Музея[?]. Портрет *<Finaldn Kasimir Sarbonnier>* (1818) актуален для Англии. В Париже в Церкви инвалидов есть его фрески. Портрет явно этого художника.

Мы все желаем вам здоровья и сил. Помните, как в Библии пророк Даниил ослабел после видения. Потому миссис Д. должна проявить о себе бóльшую заботу. В приглашениях от К.М. не стоит упоминать других видов деятельности. Иначе можно перечеркнуть исследования. Лучше пригласить на выставку.

Можно ли получить аванс от Крейна на книги Гребенщикова. Было бы так хорошо, если бы он помог ему. Это было бы лучше сделать, когда Греб[енщиков] приедет. Только бы этот Крейн не отправился путешествовать слишком далеко. Гребенщиков пишет о двух русских подрядчиках-строителях, которые получают послания в Париже. Было бы интересно раздобыть их адреса и дать им книгу. Не для Сибири ли они? Чахембула пишет об интересной лекции, показывающей климатические изменения в Сибири. Он пишет хорошие письма. Всё ещё имеет трудности в семейных делах (это секрет).

Архив Музея Николая Рериха (машинопись, перевод с английского)

25 января 1924 г. Дарджилинг

Письмо Е.И. Перих к сотрудникам в Нью-Йорке

Родные и любимые, итак, могу сказать вам – горы. Не знаю, с чего начать. Иногда хочется просто передать вам не впечатление и новую информацию о нашем пути, но то, всегда чудесное, что окружает, чем наполнена атмосфера нашего дома, всё, что мы черпаем из великой в своей простоте религии Будды и глубины всё ещё не понятой Библии, это вытесняет всё остальное. Мы читаем Библию с новым пониманием, и наше изумление бесконечно. Мы всё это отметим и пришлём вам, и поэтому, прежде всего, я даю небольшой отрывок из Учения М.

«I. Плотность материи препятствует всякому опыту духа. Это касается как людей, так и всей природы. Для доступа надо расплавлять материю; при расплавлении получается особый газ, ассимилирующийся с субстанцией духа. У человека центры нервов выделяют газ при всяком экстазе счастья или несчастья, и так получается уже мастерская духа. Потому неблагополучие называют посещением Господа, а всякое сонное житьё – смертью духа. В природе экстаз являют: гроза, землетрясение, вулканы и приливы; такая же мастерская духа начинает работать, потому благословенны все искры экстаза. Будучи расплавлена, материя поддается улучшению и даёт новые формулы. Вместо известных изысканий достаточно отразить элементы в наших зеркалах и накапливать новые формулы. Тогда остаётся вторая часть работы, чтобы терпеливо и вовремя дать их людям. По огням экстаза бродит Наш Луч, стучась в сердце. Где оно, счастье или несчастье, открывшее вход? Но, прикасаясь к уже расплавленной материи, чувствуете пульс Земли, и сердце должно выдержать тяготение. Те, которые примут участие в этой работе, должны беречь сердце. Потому Говорю, родные, берегите сердце, всё остальное починить легко. Оно представляет материю, тогда как нервы подлежат духу. На стук духа открывается дверь солнечного сплетения. Но каждый стук материи – это удар [по сердцу]. Каждый, желающий соприкоснуться с формулой материи, должен беречь сердце. Медицина Наша учит, как дыханием бронировать сердце.

II. Эманация нервов невесома, необоняема, незрима, ибо она от духа. Продукт сердца – кровь, со всеми измерениями Земли. Потому когда говорят, надо почувствовать сердцем, это значит, надо применить к земному плану. Единым мостом между пониманием духа и принятием Земли являются белые [кровяные] шарики. Но вы знаете, какая битва сопровождает их существование. Белые шарики подвержены силам Земли и несут знание духа. Не кажутся ли они вам Белыми Братьями? Потому так трудна гармония на Земле. Вопрос: не значит ли это, что анемичные люди более духовны? Часто да. Но для работы в месте, где дух сошёл в материю, нужно иметь условия обоих планов. Нельзя удаляться от Земли и надо пребыть в духе. Для одоления земных формул надо иметь прочный канал сердца, ибо отражение знаков Земли несёт опасные искры. Но для Земли всё должно совершиться на земном плане. В этом главная причина существования Белого Братства. Потому по Земле надо дойти до Нас. Открыть Нас, как руду серебряную, лучшую под корою Земли, не на крыльях, но идя [по Земле], достигая Буддхи.

На белом верблюде шёл Христос с Морией через Памир; горы, реки, холмы Ал. полны серебра. Берегите сердце на тропе серебра».

В Библии прочтите Пророчества о Христе, как они ясны и как неправильно они истолкованы церковниками. Прочтите пророка Захарию, который жил за 500 лет до Христа. Глава III – замечательное место об очищении запятанных одежд как о символе инициации. И именование Христа – ОТРАСЛЬ, глава 6, и в конце главы 11 беседа о тридцати серебряниках. Вспомните, когда Иуда, раскаявшись о содеянном предательстве, пришёл к фарисеям и бросил им их тридцать серебряников и как они, поскольку это была цена крови, не решились положить их в храм, но купили на них у горшечника землю, чтобы хоронить путников. Есть так же и другие места. Замечательные своим сходством с нашим Учением, но это в следующий раз, потому что сейчас не могу их найти. Я сержусь на бумагу, потому как она многое не позволяет [высказать], но вы поймёте это в духе. Завеса приоткрывается всё больше и больше, и как описать вам всё святое и великое, что сияет над нами. Поймите то, что я хочу сказать именно сейчас: можно иметь громадные знания во всех областях науки, знать и даже управлять ещё не известными силами природы, но самое важное знание – это знание сроков, и это знание даётся вам. И, неся это знание, мы должны с гораздо большим напряжением и терпением работать каждое мгновение, благодаря справедливости Благоволения, которое даёт нам это величайшее счастье. Сегодня снова было радостно услышать, как простые люди и ламы ожидают скорого прихода Владыки Мира, Спасителя народов. Согласно их вере, Он не дух, но человек, который достиг всех совершенств. У людей есть уже его изображение в образе Владыки, окружённого воинами всех наций и религий. Он – Владыка – Воин, и скоро даже звери примут участие в битве. Ламы говорят, что много пророчеств уже исполнилось, и считают этот год очень важным, как начало новой эры. Учитель Юрия – астролог. Я думаю, если он будет не очень занят, мы возьмём несколько уроков. Будет трудно, потому что их терминология сложна и потому что их вычисления заменены знаками и символами. Я сужу по трудности их непонятных вековых записей. По их календарю мы вошли сейчас в шестнадцатый цикл; цикл равен шестидесяти годам, сам год называется Деревом Мыши. Следующий будет Деревом Быка. Юрий старался объяснить, но, кажется, он этого сам не понимает. Вместо цифр они берут пять элементов: дерево, металл, огонь, землю и воду в двух началах, мужском и женском, и комбинируют их с двенадцатью животными: быком, мышью, свиньёй, собакой, драконом, змеёй и т.д. Я ожидаю дальнейшего объяснения. Тибетские вековые записи берут начало в 1024 году, прибавьте шестьдесят циклов – вы получаете 1924-й. Мы радуемся, что сухие листья опадают: работа только с новыми и с нашей молодёжью. И эти новые не будут иметь дипломов, не будут сверкать золотом и бриллиантами, но принесут свои души. Эти дни исполняются.

Комната, где жил Далай Лама, стала моей комнатой. Здесь находятся два алтаря – Будде и Христу, и Сергию, и здесь же висят священные изображения Тибетских святых. Я пошлю вам несколько фотографий. Я обнимаю вас всех одним объятием. Мои любимые, берегите ваше здоровье.

Архив Музея Николая Рериха (машинопись, перевод с английского)

Николай Рерих, Святослав Рерих, Елена Рерих, Юрий Рерих. Декабрь, 1923 г. Индия, Аден.

27 января 1924. Нью-Йорк
Из письма З.Г. Лихтман к Рерих Н.К. и Е.И.

Дорогие и любимые мои!

Пишу Вам и передо мной снимок с Вас всех на слоне, полученный нами, и так радостно видеть Вас моих близких и родных. Но все Вы похудели, а Вы, родная Е.И., в особенности. Неужели климат на Вас так влияет? Я счастлива тому, что Вы поедете в горы отдохнуть.

<...> Ваш Музей уже почти закончен, и через 2 дня приедут Ваши картины, готовимся к этому светлomu празднику. Думаю, что я сниму каждую комнату после того, как повесим картины, и пришлю Вам снимки, и Вы нам, таким образом, сможете указать ошибки, а их будет немало <...>

Архив Музея Николая Рериха

30 января 1924 г.
Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке

Родные и любимые – 27 января мы получили Послание: «Те, что в Америке – молоды духи. Много масла сгорает в их лампадах. Для них текущий год важен; вы знаете ценность земной работы, но они лишь ждут Посланий (messages), не принимая в расчёт положенного срока, и забывают о концентрации тёмных сил в N[ew] Y[ork]'e. Лишь году дайте пройти – много лучше будет. Ничего нельзя выставить под ливнем, но после солнце особенно сияет». Мои любимые, примите это во внимание и постарайтесь стать ближе друг другу с мыслью о величайшем мире – о важности того, что создаётся. Если сейчас не учесть всех колебаний в работе, по крайней мере, их надо предвидеть и верить. Так, каждое большое задание требует особенно осторожного и терпеливого анализа, а всё торопливое, непродуманное и уязвимое – не достойно. Помните, как садовник заботится о редком цветке, как бережно он

укрывает его от холода и от *солнца*. Проникнитесь глубже в понимание Великого Учения – Учения самой жизни. И как жизнь сложна и полна всех её кажущихся противоречий, потому что мы не видим всех причин обстоятельств и условий, окружающих нас. И поэтому требуется, прежде всего, гибкость понимания и находчивость в применении Учения. Вы владеете величайшими сокровищами – знанием сроков. Припоминайте, размышляйте, не теряйте ни одного из них. Было бы хорошо выписать их все на отдельный лист. У нас есть ещё несколько дат для вас, но я назову вам их позднее, после некоторых размышлений. Ещё раз прошу вас принять Гребенщикова с открытым сердцем, как своего. Вы будете с ним работать, и ему в будущем строительстве отводятся значительная часть. Он будет очень нужен *Логвану*.

Сейчас у нас радость. Только что получили ваши письма, большое спасибо, дорогие. Если бы вы только знали, как мы ждём ваших писем. Первыми пришли письма от 23, 22 и 26 декабря. Они путешествовали больше месяца. Все ваши вопросы о Музее так понятны и так невозможно ответить на некоторые из них. Давайте возьмём, к примеру, тон стен. Указать, не видя, невозможно, потому что оттенок – это ещё не всё. Он изменяется в зависимости от освещения стен. Если Музей начнётся с секретной комнаты, это неплохо. Она более сокровенная. Освещение лучше из центра, и поэтому висят лампы в центре потолка не так плохо. Мы не любим специальные отражатели. Мы предвидим, что развешивание картин будет очень трудным. Это большая наука и поэтому не спешите с окончательным размещением. Попробуйте разные комбинации. Хорошо бы пригласить миссис White. Кстати, почему бы ей не принять участие в жюри? В отношении Bel-Geddes у меня о нём очень решительное мнение: глупый и самодовольный. Поэтому требует для себя особое время и внимание. Игра не стоит свеч. Я бы не привлекала его слишком близко к школе. Всем своим существом я чувствую, что новые подойдут. Но нужно терпеливо ждать. Мы все страдаем от недостатка терпения и поэтому мы поставлены в такие условия, чтобы приобрести его.

Без терпения невозможен никакой прогресс; это в полной мере понято индусами, и они без всякого сомнения приняли это в своей жизни. Всех, кто страдает от нетерпения, было бы хорошо переместить в Индию на срок больше трёх месяцев – хорошая стажировка, хотя, я думаю, некоторые не выдержат в полной мере. Лекарство будет слишком сильным. Здесь исчисление времени потеряно. Что наш день – что День Браммы, никакой разницы. Все живут неосознанно или осознанно в вечности. Поэтому много избыточного времени. Жаль смотреть на эту прекрасную страну и на её милых обитателей, утонувших в летаргии, недостатке активности и проявления индивидуальности, как мёртвые люди в доме; и дети не знают, что делать, с чего начать.

Их касты с ужасными условностями. Очень мудрые в начале расы, но теряющие всё своё значение. Представьте, что человек, имевший несчастье родиться в касте ювелиров, должен продолжить труд своего отца, и может жениться только на дочери ювелира. Все другие профессии для него закрыты, и поэтому, принимая во внимание этот жестокий закон, мы, мечтавшие жить в мире, максимум, с двумя слугами, оказались окружёнными целой деревней. Повар не может мыть посуду. Поэтому у него есть помощник; дворецкий не

может подметать пол и отапливать дом, поэтому для уборки полов и работ по сантехнике есть специальный чистильщик. Санитарные условия очень примитивные: ванна и другие удобства приносятся и уносятся. Растопка печки и доставка чистой воды отдаётся <...>; для постелей, чистки умывальных раковин, стирки, ухода за костюмами (они должны быть вывешены на солнце каждые две недели) – нам пришлось нанять по одному человеку. Кроме этого у нас есть конюх для лошадей и специальный человек для прачечной. Но самое большое неудобство – это так называемый Сердар или домашний слуга, без которого, кажется, ничего не может быть сделано. Мы стараемся каждый день проникнуть в мистерию его деятельности, но безрезультатно. Для нас налицо только один вид его деятельности, его стояние у стола в очень колоритных одеяниях, весь в белом. И надо отдать ему должное, он выглядит очень красиво. Он ходит в город за покупками, но не может нести пакеты. Есть специальные кули, и не важно, насколько мал этот пакет, Сердар возвращается сопровождаемый кули. Если вы выразите пожелание, чтобы ваши полы и окна были вымыты, приглашаются жёны [слуг] виллы, и никто из слуг даже не помышляет прикоснуться к этому. Если ко всему добавить, что многие имеют большие семьи, и все эти существа толпятся вокруг нас, потому что комнат много, вы поймёте, что я не преувеличиваю, называя это деревней. Спасение только в том, что зарплата невысока. Самая большая зарплата – 50 рупий, которые получили повар и Сердар, остальные от 15 до 30 со своей едой, в чём я немного сомневаюсь. Но продукты здесь очень дешёвые и хорошие. Если бы вы только могли видеть всю эту нищету и углы, где они счастливы жить, у вас не хватило бы сердца выгнать их. Очень часто вы видите, как из этих углов появляются новые персоны, ещё не виденные, чьи-нибудь бабушки, тётки, и поэтому население нашей деревни не может быть определено статистически. Мы надеемся скоро послать вам фотографии дома, слуг и деревни.

Юрик просит дать возможность использовать его книги общим друзьям, но не давать их ученикам, потому что некоторые из них очень ценны для него. Мы вас очень просим начать рассылку книг и также послать один экземпляр на русском и «Адамант» проф. В.Перцову. Мои любимые, я обнимаю вас всех одним крепким объятием. Каждый из вас проходит перед моим взором и занимает уголок моего сердца, принадлежащий ему. Храните здоровье миссис Ш[афран]. Обнимите и крепко поцелуйте её от меня. Мы очень просим Поруму не утомляться.

Архив Музея Николая Рериха (машинопись, перевод с английского)

30 января 1924 г. Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

30 января, 1924 г.

Родные и любимые. Возвращаю вам страницы каталога, на обложке которого находится логотип нашего учреждения. На второй странице знаки Мастер Института и К.М. не нужны, потому что слишком много знаков на одной странице. «Адамант» в формате книги Селивановой. Будем придерживаться

одного вида наших изданий. Текст каталога очень хороший, не сможете ли вы проработать, таким образом, все картины. Сейчас вы, очевидно, получили обе книги. Можно ли сделать два отзыва по ним и попросить Роджерса распространить их по синдикатам. Пришлите мне объявление об Атлантис. Я отправлю его в две-три здешние школы.

Только что мы получили тридцать экземпляров «Адаманта». Теперь книга хорошая, но я заметил несколько опечаток. Цена не меньше \$1. Вы поступаете правильно, предлагая Тарухану приехать в апреле. Он будет очень нужен. Конечно, Завадские могут приехать намного позднее. Я опасюсь за Завадского. Их четверо. А [он] меньше приспособлен к жизни, чем Гребенщиков. Они быстрее осмотрятся вокруг. Мы получили больше заметок о Музее. Их содержание о его деятельности хорошее, в спокойном тоне. Так и должно быть. Я посылаю вам вырезку о серебре. Если Латвия использует сейчас серебро, не мог бы Яруя теперь установить связь с правительством; если Англия признает Россию, деятельность «Мирового Служения» может очень сильно расцвести. Будет полезно написать директору банка Мэю, указав ему на Ярую.

Сию перед картиной Гималаев, и мысли летят в Америку, Ригу, Париж, Литву. Везде возрастают важные дела. Как мы уже вам писали, мы полностью воздерживаемся от личных контактов, согласно срокам, данными нам, мы должны сидеть очень тихо.

Вы послали сообщение об открытии Музея проф. Сигристу? Сегодня были два землетрясения – дома скрипели, и очень долго после бился внутренний пульс под землёй. Завтра мы будем на Буддийской службе в монастыре Гум. Столько много мыслей, столько много работы – только выполнить.

Мы шлём вам нашу силу и любовь. P.

P.S. Мотив орнамента для Атлантис можно взять от древней Мексики и Центральной Америки. Кто, кроме Круга, поможет развесить картины? Вы нашли финскую девушку? Если Шолле уехал в Чикаго, нельзя ли его спросить, получили ли они от Lanzelotti два эскиза, подаренные мною. Он организывает там художественный факультет.

Архив Музея Николая Рериха (машинопись, перевод с английского)

«Завтра мы будем на Буддийской службе в монастыре Гум...»

Сикким. Монастырь Гум (совр. фото)